

Марина Эскина

МАРИНА ЭСКИНА

КРАЙ ЗЕМЛИ

Санкт-Петербург
Издательство «ЭЗРО»
1996

**Книга издана в рамках проекта «Поэзия сегодня»,
осуществляемого совместно с Петербургским
Еврейским Университетом.**

Художник А. Соколова

Технический редактор А. Сергеев

**Марина Эскина родилась в Ленинграде. С 1990 года живет в
Бостоне (США). Это ее первая поэтическая книга.**

С точки зрения воздуха, край земли — всюду

И. Бродский

Фото Ильи Булдырева

МЕЖ ДЫМОМ И ДЫМОМ

* * *

Только время не входит в привычку, а все остальное
На знакомый мотив норовит обязательно сбиться.
Темнота закрывает пейзажа лицо подставное
И цитирует то, что должно было просто присниться,
Но пока не приснилось. И препоручая закату
Километры, и мили, и сны, и часы перелета,
Узнаю — без кавычек — кирпичную эту цитату.
Новой Англии с Новой Голландией детские счёты.
Так же точно приходят на память и лица, и строки,
Скрежет сосен и мачт, когда ветер гуляет в округе.
Кто-то здесь тосковал, где-то строили верфи и доки.
Под знакомый мотив, не догадываясь друг о друге.

1992

* * *

«...кто хорошо видел Италию,
и особенно Рим, тот никогда больше
не будет совсем несчастным...»

Гете

— Давай почитаем стихи. — Почитаем?
Кого? — А того, кто давно почитаем,
И бедные дети по этой причине
Его не читали, а в школе учили.
От скуки высокой, в голодном бреду,
Он умер еще в двадцать первом году.
Почти без подсказки. И было за это
Ни проклято имя его, ни воспето
Властями. Точней, на него не легло
Музейного стенда слепое стекло.
Оно проросло, как ромашка и клевер,
Сквозь время забвенья, бурьяна и плевел.
Прижми поплотней телефонную трубку,
Чтоб не был мой голос дрожащим и хрупким.
«Все, что минуто...» Скажи, ты готов
Услышать горчайшую сладость стихов

Его итальянских? Как-будто не зря
И нам утешением эта земля
Была кратковременным. Неоценимым.
Меж жизнью и жизнью. Нет, дымом и дымом.

1993

* * *

В который раз закидываю невод
В осенний, ветренный, прозрачный омут,
Но он приносит только горстку листьев
Сухих. А если попадется слово,
То — молчаливое. И просится назад.
Не спрашивает о моих желаньях,
Не обещает ничего исполнить.
В такой прозрачный день легко увидеть
Себя со стороны, как бы во сне.
Вот я на людной площади. И чтобы
Со сном усилить сходство, на вольнке
Играет девушка в шотландской юбке.
(Во сне, наверное, она была бы рыжей.)
Вольнка заиграла, и тотчас
Зеленый свет зажегся. И навстречу
Друг другу устремились два потока.
Заполнив улицу, они смешались
И разделились. Сцена опустела,
Актеры справились без репетиций
И разошлись. И режиссер доволен.

Но что это? У каменных кулис
Опять толпа. Заботливо волынка
Зовёт стада на пастбища. И кто-то
Меня, с моей соединяя тенью,
Подталкивает осторожно в спину
И шепчет на ухо: сейчас твой выход.

1992

СОН

Мне на минуту показалось,
Что жизнь еще не начиналась,
А это время оборвалось
На полуслове, как строка.
Теперь назад не оглянуться
И до тебя не дотянуться,
В тоске прощальных эволюций
За ветер держится рука.

Прости. Лишь слово быть ничтожным
Не может. Мы его приложим
К ушибу. Словно подорожник.
Увы, и эта мысль стара.
Но там, где помогает слово,
Нет старого, все вечно — ново,
И если так, то я готова
Дожить хотя бы до утра.

1993

* * *

Я пишу ни о чем. Эфемерность потуг новизны
Очевидна природе. Но как захлебнуться легко
Повтореньем таким. Узнавание — кредо весны,
А потом поменяет газон гиацинт на левкой.

Я пишу для тебя. Ничего в этом нового нет.
Год защелкнул замок. В торбе времени так же темно,
Как столетье назад. Или может быть тысячу лет...?
Новый Свет не открыли? Нет, что я, открыли давно.

Мы открыли его, миновав Лиссабон и Мадрид,
Но опять за спиной королевские распри держав.
Ликованье и страх, карусели побед и обид.
Безымянность Колумбовых спутников, чаплинский шарж.

1991

* * *

Лети, кораблик мой, лети.

В. Ходасевич

Когда, рассмеявшись, ты спросишь: зачем
Меня возвращает на площадь пустую
Мой углый кораблик, заносчивый челн,
Курсирующий в тучах вслепую.
Смеясь, я отвечу: на площади, где
Бетонные девы не в силах расстаться
С фонтаном, и голуби жмутся к воде,
Скамейкам и глянцевым снам иллюстраций,
На Piazza del Quiriti, в Риме, в тот год,
Когда уже стало наукой — прощаться,
Ты мне улыбался не призраком счастья,
Но — счастьем. И хлебом напиханный рот,
Пакет молока. И глаза, без обмана
Сказавшие: поздно. В том смысле, что рано
Еще умирать, что еще я в долгу
У тех, кого даже и знать не могу.

1991

* * *

Из всех неузнанных, ты прав,
Я буду самой знаменитой.
Так сладко посвящать сонеты
Тебе и прорастанию трав.
Еще неизданный устав
Грозит мне участью поэта,
Но, отщепенец общепита,
Так и умру, никем не став.

Не утешай меня, что толку,
Уткнись плечом в мое плечо.
Как не поплакать втихомолку
О том, что счастлива еще.
А Новый Свет, как Старый Свет,
Мне говорит, что счастья нет.

1992

* * *

Уснуть в траве, в зеленом гамаке,
В глухом тылу кирпичной красной кладки,
Под пение бродящей вдалеке
Сенокосилки. Вырастить на грядке
За полчаса необозримый сон,
Скользящий у поверхности сознания.
Так свет полуденный, пробивший дуб и клен,
Наткнувшись на стену, по ней сползает.
И этого довольно. Я вчера
Хотела большего? Нет, ничего не надо.
Как сон и свет, вся жизнь вовлечена
В борьбу со временем. Пространство — не преграда.

1993

ЧТО НОВОГО В НОВОЙ АНГЛИИ

Утренний колокол мечет листву и туман.
С каждым ударом охапками в ноги ложатся
Свежие новости — пища для чувств и ума.
Нет бы немного еще на лету продержаться.

Вот и ответ на вопрос твой: что нового? Здесь,
Да и в других, волновавших недавно, пределах
Что еще более вечное, новое есть,
Чем это бледное небо в ветвях поределых.

* * *

Не спрашивай: что нового? Ты сам,
Стремительно передвигая стрелки,
Расплескиваешь время из тарелки
Часов по неизвестным адресам.
Ты сам ответ...

1991

* * *

У греков — жизнь любить, у римлян — умирать,
У римлян — умирать с достоинством учиться.

А. Кушнер

Ничего не говори мне —
Завораживает звук.
Знаешь, хочется у римлян
Самой странной из наук
Почиться. Нет, не смейся.
Как ты думаешь, легко
Нам, дышать привыкшим смесью
Лжи и страха, молоко
Безнаказанности дивной
Пить из детского рожка?
Не стеклом — толченой льдинкой
Рот свобода обожгла.
Не таким необоримым,
Не смертельным был испуг...
Я уже учусь у римлян
Самой странной из наук.

1992

МЕЖДУГОРОДНЫЕ РАЗГОВОРЫ

1

Вообрази, что нам случится
Жить рядом, весело и дружно.
Дыханье, мимика, ключицы,
Ботинок, стоптанный наружу,
Сны, неприязнь к нечетным числам,
Чужим расческам, хлебным крошкам,
Манера апельсины чистить,
Чихать и вспоминать о прошлом.

Бьюсь об заклад, что и недели
Мы не продержимся. Что толку
Не обсуждать, как тратить деньги,
Как нитку продевать в иголку.
Где скука встанет двоеточьем,
Там ревность будет продолженьем.
Мне хорошо любить заочно
Твои далекие движенья.

2

Даже то, как ты нитку в иглу продеваешь,
Стаптываешь ботинок — мне все интересно,
Важно: смех, молчанье. Если продлеваешь
Голос, которому в телефонной трубке тесно,
Что сочтешь за мелочь без зазренья
Радости? Время года? Смену дня и ночи?
На подобных расстояньях сны надежней зренья.
И предельно слух сосредоточен.

3

А ты поверила, что я могу дышать
И о тебе не вспоминать? Ты слишком
Доверчива. И, если хочешь знать,
Я пошутил. Не доверяй мальчишкам,
Тебя никто не смеет обижать.

4

Неделя, как порядок слов в предложении.

Подлежащее, сказуемое — понедельник, вторник.

И когда ты звонишь мне в среду, в десять вечера,

неужели

Я не радуюсь этой инверсии непритворной.

Вот и новая точка отсчета времени, расстояния,

Невозможности видеть тебя ближе, чем на картинке,

Ревновать, увезти в Италию, знать заранее,

Кто и как победит в затянувшемся поединке.

1992

* * *

О. Ф.

Приукрасим день туманный , —
Жаркий, влажный, безымянный —
Шуткой, выдумкой, нежданной
Радостью. Для озорства
Где, казалось, места нету —
Там удары мокрых веток
По лицу. И в лапах ветра
Благодарная листва.

Хорошо, что мало надо
Нам от жизни. Сладких ягод
Не хотим. Вкус винограда —
Прихоть, блажь, каприз.
Но с внезапным нетерпеньем
Ждем изюма и варенья,
И без меткого сравнения,
Нет, не обойтись.

1992

* * *

Слепая ласточка в чертог теней вернется

О. Манделъштам

Смысл жизни в ней самой. Кто так сказать посмел,
Того Высокий Строй причислит непременно
К деревьям и камням, к числу небесных тел.
И больно и смешно одновременно.

Мы скарб перевезли. Смысл жизни начался
Так близко от земли, что грех не прирасти к ней.
И тот, кто ростом был не выше колеса,
Привьется здесь и многого достигнет.

Но те, кто выше был, уже ни там, ни тут
Не обретут счастливой блажи.
Им все равно покоя не дадут
Слепые ласточки с прозрачною поклажей.

1992

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

1

Вот и состоялась выдача преступника линованному листу.
Тысячемильная, упала повязка с открытых глаз.
И тому, кто провел меня по качавшемуся мосту
Из одного небытия в другое, как за руку в новый класс,
Бог воздаст за случайно оброненную доброту.

Ты спросишь, как профессор, знающий решение:

«Зачем умирать?»

Но, вечный школяр, обманывающий риторику лет,

Я произнесу: «Зачем жить?» И это будет звучать,

Как твой собственный голос, а не как ответ

на другой билет,

На вопрос, который ты не хотел задать.

2

По вторникам не пишут писем.
Гуляют, спят, берут уроки.
Пока терпенья не превысят
Не нами заданные сроки.
По будним дням не обещают
Тягучей верности до гроба,
Но я читала, что прощают
По вторникам друг друга. Что бы
Там ни было. Мы виноваты.
Какая разница, кто горше.
Прости мне слог витиеватый
И нелюбовь к неясной Польше
И злой Германии. Я тоже —
Тебе... Не стоит уточнения
Что. Ибо перечень — ничтожен,
Но все же требует прощенья.
И даже слез. Чтоб видеть ясно
Очистившимся, острым взглядом,
Как снисхождение опасно
Неизлечимо виноватым.

3

Вчера, засыпая, я стала прощаться с тобой:
Элегия, песня, ритмическое бормотанье.
Метафора — карточный домик для боли любой...
Прощанье — бесформенно, знать, лишено содержания.
Оно — одномерно. Вернее, оно — горизонт
И лезвие. Где-то украдено острое сходство,
Но не помещается в басню. Подвинься, Эзоп.
Известно, что мудростью славно врачуют сиротство.
И наши болезни все те же, но времени дань
Платя, не хотят поддаваться лечению простому.
Элегия. Песня. Шаманство.

Молчи. Перестань.

Гекзаметр что ли попробовать, выйдя из дома.

4

Уронить голову на руки так же легко,
Как вспомнить стихотворение. Оба жеста
Помогают в отчаянном положении. Как пролитое молоко
Неукротимым слезам придает элемент блаженства,
Причины, следствия, зашедшего далеко.

Герой, переживший трагедию, уже не ее герой —
И поэт, цитируя польского остролова,
Добавляет, что бедняге, верно, не избежать второй.
И тогда он погибнет достойно и безусловно.
Да и нам тоже лежать в сырой.

С этим прилагательным ее представляешь себе лучше.
Отвлекаешься от вселенских масштабов катастроф
и бедствий,
От глобального потепления вкупе с грядущей сушью.
Забываешь бояться того, что пугало в детстве,
Пробегая спектр от бессмертия души к равнодушью.

5

Не смею окликнуть тебя по привычке.
Смертельно при качке заученным жестом
Схватиться за воздух. Нащупать кавычки.
Узнать, что цитата единственным местом
Для встречи назначена нам — бестелесным,

Бесплотным. Но, если подняться в смятении
От собственной дерзости и безучастья
Над отяжелевшей плодами, осенней
Землей, то сродни ожиданию счастья
Покажется необходимость прощаться

С иллюзией. И никаким уговорам
По злой правоте не сравниться с молчаньем.
Так тих твой подарок, что слышно, как ворон
Свое Nevetmore прокричал за плечами.

1993

* * *

Как объяснить. Жизнь больше не равна
Моим усилиям. Поваленная ветром
Должна смириться с участью бревна
Сосна, еще гоняя сок по веткам.

Вопрос не задавали. Но с ответом
Промедлив, я была бы не верна
Сама себе. Укол веретена
Здесь виноват. Не умолчишь об этом.

Мне снились потому такие сны,
Что это путь сквозь заросли сплошные
Реального, когда не знаясь с ним
Хотелось бы. И я, как Трою Шлиман
В упрямом ритме мифов и холмов,
Искала смысл в смешении слов и снов.

1992

* * *

Ты или не ты,
Не знаю даже.
Ломкие черты
В годах, как в саже,
В копоты минут,
В колючем дыме
Слез, которых ждут,
Как в пантомиме
Снов, вокзалов. Так
Проходит зависть
К той — себе. Пустяк.
А жизнь казалась
Ясной, как игра.
Пятнашки, жмурки.
Как огонь костра
В глазах Снегурки.

1993

* * *

Нам Бергман завещал ночной пейзаж бесцветный.
Что это? Сад? Дороги поворот?
Сон, обернувшийся реальной жизни бедной?
Нет, продолжением ее щедрот.
Доказывал, неистовый и рьяный,
Невольный грешник, знающий за всех
Мятущихся их детские изъяны,
Что буйство жизни — неизбежный грех,
И что не зря запретной, легкой, сладкой
Боймся мы. Неисчислим тираж,
Но, по едва заметной опечатке,
Мы догадаемся, что это — наш
Отмечен выход. Что счастливый случай —
Пустой сундук.

Упрямая судьба
Банальна? Пусть. Безумна? Даже лучше.
Жизнь. Смерть. Стихи. Любовь. Ладонь у лба.

1993

* * *

Невыносима легкость бытия.
Посмотришь в сторону — а в гнездышке из пыли
До времени дремавшая змея
Сверкнет пружиной — и тебя забыли.

Не потому ль в тысячелетнем иле —
Как притягательна ничья земля —
Мы ищем доказательства, что были
Таковыми же они — как ты и я.

Не потому ли, чуть из колыбели,
Боимся мы не смерти и не боли,
Но памяти. Расставленных без цели
Ее силков, ее тупой неволи,
Пустот, причуд, подвохов и провалов,
Щедрот, и вслед — предательств небывалых.

1992

* * *

Хотела сказать впопыхах, на бегу,
Но не успевала. А звуки летели,
Дразня и слипаясь, как хлопья метели,
Непрощенным ритмом ломая строку.

Чем дольше молчание, тем тяжелей
Дыханье. Походка сбивается в поступь.
Ни шелеста истин, ни шлеска ветвей
Расслышать нельзя, не поставив апостроф,
Тире, двоеточие.

Там, где конец
Житейского круга встречает начало,
Молчание наше всегда означало
Согласие. Как за щекой леденец.
И как ни крути, с постоянных орбит
Не сходят планеты проветриться всеу.
Не спрашивай больше, зачем я тоскую
О рае, в который судьба не велит.

1993

* * *

Не могу тебя забыть. Не хочу. Зачем?
Не умею отложить лучшую из тем.
Зов небывшего сравним только с тишиной
Жизни после смерти. В них время лишено
Цвета, звука. Глубиной тени, жадным ртом
Паузы поглощено. То, что решетом
Черная, пускаем сквозь сито суеты,
Там, твердея, разлилось зеркалом, черты
Прячущим. Там всякий свет, встретив серебро
Слова, физику на нет сводит. Бес в ребро
Отражению, когда — молод, зол и мил —
Ты придешь за мной туда по следам чернил.

1994

* * *

Одних ведет судьба, других влачит судьбина,
Меня — чертополох и придорожный мак,
И сотня диких трав, которых половину
Назвать я не умею, кое-как
Справляются со мной, с моим нелегким нравом,
Прощают, лечат, воздают мне честь.
Зеленый свет налево и направо
Покуда глаз хватает — это весть
Прозрачная, что я могу на равных
Мир принимать весной какой он есть —
В цвету. И многим знаньем не отравлен.

1993

* * *

Капля, капля дождевая.
Что за странность — жить играя,
Что за страсть — срываться с края
Тучи, флюгера, листа.
И, презрев сопротивление,
Удивленье, и дробленье,
Падать, падать без зазренья,
Шанс ловя один из ста.

Ты — не озеро, не море,
Но, бог весть, чем станешь вскоре.
В неумолчном разговоре —
Неизбежное звено,
Где безволие и усилие
Равно слабые надкрылья,
Где счастливым только пылью
Радужной
 быть
 суждено.

В БЕТОННОЙ КОЛЫБЕЛИ ГОРОДСКОЙ

17 ОКТЯБРЯ 1986 ГОДА —
ДЕНЬ ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ

Не зря созвучьем связаны слова,
Как листья — ветром, камешки — прибоем.
Сказал одно, а слышится другое
И отзывается не раз, не два...

Восторг торжественный, ребяческий, гортанный,
Пророческий, дикарский... Как назвать
Уход души в тот промежуток странный,
Где можно даже смерть зарифмовать,

Где мед и медь так звонко и так сладко
Напомнят пчел и призовут печаль,
Где времени жестокая повадка
Снимает руку с моего плеча.

Отчаяние здесь не вьет гнезда,
И одиночество, когда ни залетит,
Лишь дразнит дух, как быстрая езда
По хорошо знакомому пути.

Как воздухом здесь дышат простотой
И в истинах не ведают сомненья.
Созвучья слов владеют правотой
Прибоя, ветра, лунного затмения.

1986

• * * *

Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим...

Быть мальчиком твоим светлоголовым

М. Цветаева

И у меня, как у нее, далекой,
Святое ученичество в крови.
И я могу без страха и упрека
Внимать, не требуя любви.

Когда, среди растерянности детской,
Я так свободна, бог не приведи,
Как сладко быть в плену у мысли дерзкой,
У беспощадной мудрости в горсти.

Прямая преданность взамен сомнений тайных
В моей душе, когда ступаю я
На площадь узкую, где жилы рельс трамвайных,
Как русло пересохшего ручья.

Но жив ручей, чуть слышно говорящий
На языке безумья и любви,
Пока несет сквозь заросли и чащи
Святое ученичество в крови.

1986

* * *

Закрыв глаза, лежу на согнутой руке.
На улице темно, но окна дышат зноем.
Спит Бухара листом зеленым на песке,
За горизонт давно скатилось солнце злое.

Здесь так легко забыть, который день,
Который час, который век, который...
Бросает минарет косую тень
На узких улиц тесные узоры.

Все происходит, подчинясь игре
Камней и неба. И почти не странно,
Что, зазевавшись, угодишь в гарем
Надменного медлительного хана...

Шаги веков презрительно легки,
Наивность и коварство здесь — все те же.
Суровы стены, корни глубоки,
И европейцу негде взгляды нежить.

1986

* * *

Горячий запах шпал — уже почти дорога.
Перемахнуть за этот душный вал,
Вдыхать его — как бы глазами трогать
На карте место, где ты не бывал.
Прогулки странные в асфальтовых песках:
Не миражи несет нагретый воздух —
Жасмин и барбарис на пенистых кустах
И крик птенцов в незримых гнездах.
Хотя ведет заученный маршрут,
Где поворот привычен, как зевота,
Напрасен узнаванья легкий труд,
Здесь, кажется, не будет поворота.
Не слышно голосов, не видно лиц.
Как ветер в спину, в грудь уперлось сердце,
И атлас дразнит пестротой страниц,
Как «Отче Наш» смущает иноверца.

1987

ГЕЛЕНДЖИК

Не удержать руки в руке,
И вниз так весело катиться,
Туда, где в млечном далеке
Над морем обитают птицы,
И в незаконченном прыжке
За куст колючий зацепиться.

Как помогает немота
Хранить восторг и восхищенье,
Когда не в слове красота,
А в непрерывности движенья.
Ручья, дороги и моста
Пересечение и круженье.

Из глубины зимы слышней
Тугого ветра клокотанье.
Дыханье шире и сильней,
И тише голос и рыданье.
Кустов, и солнца, и камней
Пронзительнее сочетанье.

* * *

Между зимою и весной, когда
Продрогшая земля меняет кожу,
И сбрасывают крыши глыбы льда
Исподтишка на головы проходим,

И кажется, что не идут часы,
И дни в один сливаются и длятся,
И у детишек выступает сыпь
Крапивницы на лицах и на пальцах,

И город под стеклянным колпаком
Скучает, как забытая игрушка,
И к горлу подступает жесткий ком,
И спать мешает мокрая подушка.

Когда, незримая, тоньшаает нить
В сухих руках неутомимой Парки,
И все слова о том, как надо жить,
Уже смешны, как мертвому припарки...

Вдруг телефон забытый зазвонит,
«Тебе не стыдно?» — добрый голос скажет.
И солнце вспомнит быстрый путь в зенит,
И Парка ловко выровняет пряжу.

1987

* * *

Шиповник, Иван-чай, малина и крапива —
Апостолы всех наших летних дел,
Слова из оскудевшего архива,
Его прозрачно видимый предел.

У городской черты, у черта на задворках,
Вдоль закопченных стен, в долинах гордых труб
Они преподают уроки правил твердых
И выживания невыносимый труд.

И нам, воспитанным на белом и на черном,
На синем изредка, но не на золотом,
Зеленый различающим не четко,
Весь спектр надежд вручается гуртом.

А сверх того, для тех, кто яростнее верил
И на вопросы верно отвечал,
Наточит Иван-чай малиновые стрелы,
И кровь шиповника прольется невзначай.

1986

РОМАНС

Вольно Вам было с щедростью всегдашней
Кормить из рук черноголовых птиц.
Окутывая их теплом домашним,
Угадывать глаза из-под ресниц.

Вольно мне было притвориться птицей,
Когда уже давно забыла петь,
Мечтать, разнежиться, проговориться,
Самой себе раскидывая сеть.

Вольно Вам было привечать недужных,
Ненужных, несчастливых, не таких...,
Томящихся в пространствах безвоздушных
Угрюмых учреждений городских.

Вольно мне было спрятаться в январь,
Не замечать, что так светает рано,
Что солнце, обрывая календарь,
На жизнь мою поглядывает странно.

Вольно Вам было не назначить срок,
А мне — уйти в привычное дикарство.
Февральский день — нарядный поясок,
Но от тоски негодное лекарство.

* * *

Лишенные дневных прикрас,
Заботы суетой проходят.
Фонарь полуночный погас,
Вернув естественность природе.

Ветвями не задев консоль,
Сквозь этажи пробился тополь,
И редких звезд скупая соль
Легла на лед оконных стекол.

Как беспробудно город спит
В густых сетях кошачьих стонов.
Как бережно бетон хранит
Дыханье сонных миллионов...

Кого спросить? Куда идти,
Когда ни отзвука, ни взгляда?
Отстав от Млечного Пути,
Мигают светляком Плеяды.

1987

* * *

В бетонной колыбели городской,
Где каждый в одиночество упрятан,
Не сразу стала липа мне сестрой,
А тополь — милым братом.

Я полюбила их немой язык,
Их радости и шумное волнение.
Весенний постриг приняла и миг
Осеннего смирения.

Простой устав предоставляет жить,
Кольцом на ствол нанизывая память.
И если можно все же их спилить,
Предать — нельзя заставить.

1987

* * *

Тем более, что липы зацвели,
И в теплых волнах липового меда
Идешь, ногой не чувствуя земли
И за спиной не ощущая года.

Тем более, что старые долги
Пока не позволяют делать новых,
И с каждым годом выше потолки
В моих лесах на просеках сосновых.

Тем более, что некуда спешить, —
В запасе жизнь, а больше и не надо,
И версия бессмертия души —
Еще нас не нашедшая награда.

Не плачь, не плачь и вытри слезы с глаз.
Прощать, ты знаешь, лучше, чем прощаться,
Тем более, уже не в первый раз,
И не в последний, может статься.

1987

* * *

Италия! Надежно и легко,
Как много раз приснившееся детство,
Ты даришь мне волнение веков —
Ко всем нам перешедшее наследство.

Тоскана, Рим, Флоренция — слова
Таинственные песни колыбельной.
Венеции медлительный овал...
Где голоса, что мне ее напели?

О виноградный вкус твоих имен!
Он только раззадоривает жажду.
Но даже тот, кто просто видел сон,
Не может не заговорить однажды.

1986

* * *

Уйти нельзя, но выздороветь можно.
Вся в поцелуях мокрая щека.
Что позволяет мне падеж предложный
Сказать о жизни? Так... Легка. Горька.
Закупорена, как раствор люголя
В мензурке темной, в теплой тесноте...
Сухое горло саднит легкой болью —
Напоминание о суете
Предпраздничной. Об ожиданьи
Не праздника, но памяти о нем.
Все наши праздники, не сбывшись, оживали
Бенгальским, беглым, колющим огнем.
О чем? Кому? Запутавшийся школьник
О радостях, о горестях своих.
Спасает ямб, дает взаймы трехдольник,
И временный приют — свободный стих.

1988

* * *

Что, мягкая у нас теперь зима?
И листьям пальмовым в коринфских кронах
Не холодно. Как в тех краях зеленых,
Куда еще не завела сума.

Прощаться или вновь сойти с ума
На перекрестке взглядов удивленных?
И заблудиться в тридцати колоннах,
И не узнать на площади дома.

Пока мы спали, повернулся шар
Другим, чуть-чуть голубоватым боком.
Таким издалека он виден Богу

И космонавтам. Говорят, душа
От головокруженья и свободы
В полете сушу путает и воды.

1988

* * *

Ветер осенний опять снаряжает ковчег.
Твари по паре... И кажется, только забыли
Нас. Бутафорский नेताющий снег
Сыплет поверх перемерзшей космической пыли.

Голо и ветрено. Стынет земная юдоль.
Медленно, медленно холод глотает пространство.
Мечется в тучах луна, потерявшая роль:
В доме разбитом не держат такое убранство.

Вот поднялись выше самых высоких вершин
Тридцать локтей мрачных сумерек, лающей стужи.
Прячься, улитка, в извилистый домик спеша
Перетерпеть этот ломкий рассыпчатый ужас.

Тот, кто задумал тяжелую сцену вращать,
Тоже бывал неприкаян и разочарован.
Все-таки он научил нас терпеть и прощать
И наделил этим хрупким и временным кровом.

1988

* * *

Сквозь сон я слышу частое дыханье
Прерывистое — тридцать семь и пять.
Поглажу влажный лоб, а лепетанье
Не разобрать, но знаю — пить подать.

Наивные вопросы в коридоре
И шепот: «Старшего не разбуди».
Холодный воздух пугается в шторе,
Поставленной преградой на пути.

Аптечка, вата, теплый спирт с водой
И уксусом. Ночное бденье.
Вчера — Плеяды, нынче — снег густой
И влажный лоб. Почти выздоровление.

1988

* * *

И привычек не знать, и любимых вещей не иметь,
Только в небо смотреть, и колючей траве умиляться.
Чем сильнее грохочет усталая пыльная медь,
Тем труднее на шаре покатою держаться.

Притяжение улиц, их центростремительный бег,
И кустов, и деревьев колючие цепкие пальцы
Не удержат. И время смахнет нас с натруженных век —
Тоже мне гулливеры. Пигмеи. Скитальцы.

И наивной мать-мачехи вечный, досрочный огонь —
Нашей выцветшей крови усталые желтые капли —
Беспокойным пунктиром очертит границы погонь
И, не зная границ, забредет в Апеннины и Альпы.

Но пока в нашей памяти будут засовы греметь
И скрипеть тормоза, и вагоны на стыках качаться,
Нам, наверное, лучше любимых вещей не иметь —
Только в небо смотреть и колючей траве умиляться.

1988–1992

ДЕЛО ЗЕРНА И КРОТА

* * *

Е. К.

Пускай здесь будет край земли.
За полосой торосов белых
Теряем в искристой пыли
Мы чувство видимых пределов.

Оставим суетность забот
И примем просто, как подарок,
Лыжни широкий поворот
Из-под сосновых снежных арок.

В размеренном движении рук,
Лыжню, текущую упруго,
Не будем выводить на круг,
Зовущийся житейским кругом.

Давай попробуем посметь,
Глотая дали жадным взглядом,
И смерть саму преодолеть,
Плетущуюся где-то рядом.

Как далеко за этот час
Мы унесемся от привычек...
А жизнь притягивает нас
Гудками близких электричек.

1985

* * *

Это было уже — и давно: наяву и во сне.
Было в книгах, кино или, может быть, все — только сон?
Это ныло, ломило, как зуб в наболевшей десне.
Это, с болью и кровью, когда же я выдерну вон?

Не тоска, не болезнь и не жалость, а темная жуть:
Не уметь и не сметь, не пытаться и не возражать,
Ни пройти, ни подумать, ни слово сказать, ни вздохнуть,
Замирать и опять новым знаньем себя искушать.

Я устала, в моем беспокойстве сквозит суета.
Бесконечно-прекрасный к стеклу примерзает январь...
Жизнь слепа и упорна, как дело зерна и крота,
И ясна, и бездонна, как русско-английский словарь.

1985

ВОСЬМИСТИЦИЯ

1

Все бы цепляться. Соломинка, веточка, сук.
Так ненавязчиво держит чужая земля.
Только этруски и римляне, сбытые с рук
Временем, ищут носы и мужаться велят.

Время кончается на Палатинском холме
И начинается, будто другого пути
Нет к свободе. Чтоб все повторилось вполне,
Надо под аркой менору свою пронести.

1990

2

Сентябрьский легкий день — нашлась моя пропажа,
Нашлась среди дождей и ранних холодов.
А с ней привычный зов лесов и Эрмитажа,
И жар последний городских садов.

Когда двойным кольцом, вселенским и житейским,
Опугает тоска и примется душить,
В разрезе крыши блеснет мне шпиль Адмиралтейский,
И, нехотя, из туч проглянет повод жить.

1987

3

Присутствие духа над пыльной Землей
Сомненью никто уже не подвергает;
И если не этим ты связан со мной,
То мне не известна причина другая.

Вернуться к истокам уже не дано,
Но море, в которое реки впадают,
Шумит, в изголовьи плещет оно.
Грохочет, витийствует, напоминает...

1992

4

Родина. Ты так была сурова
И на откровенности скупа.
Лишь при расставаньи это слово
С онемевших губ могло упасть.

Но за то, что вересковым полем
Я не стала. Ни шмелем над ним.
Каждый, каждый посмеяться волен
Над косноязычием моим.

1992

ОСЕНЬ

Только два дня — исправительный срок,
Доли иной не желая,
Мы по этапам железных дорог
Сами бежали из рая.

Здесь, на краю океана болот,
Спасшись из грязи проселков,
Мы обретаем последний ошлот,
Мир воссоздав из осколков.

За буреломом — тягучий простор,
Щедрые мхи над водою...
Кто-то рассыпал огромный костер
Звездами над головою.

Мы не успеем расслышать ответ,
Присланный так издалека.
Пусть его ждет миллиардами лет
Это болотное око.

1986

АПРЕЛЬ

Маме

Веселым пламенем горят верхи деревьев —
Зеленый, легкий, ласковый костер.
Зима ушла в разряд преданий древних,
В легенды, мифы, на вершины гор.

А слово звонкое разбилось, раскатилось,
Рассыпалось в кустах на птичью трель.
О, головокружительная милость
Того, кто с миром сотворил апрель!

Напоминанием волнуя душу,
Все повторяется: да будет свет!
Твердеет небо, синевой наружу,
И суша обретает силуэт.

Вновь созданы кусты, деревья, травы,
Небытие пробили семена,
И солнце трудится не для забавы,
И щедро ночь луной награждена.

Вот, повинуюсь безымянной воле,
Все сущее воспряло на земле.
Вскипели жизнью лес, река и поле,
И человек, покинув душный плен,

Проснулся жить. Неясная тревога
Оборвала потусторонний сон.
Ему приснилось: отменили Бога,
И тьма кругом, и мир не сотворен.

1986

* * *

Теперь, когда я начинаю жить,
А начинаю с каждым новым знаньем.
Так вот, теперь, когда я начинаю,
Мне детская мила неосторожность,
А прежняя стреноженность претит.
И даже то, как лист летит осенний,
Я вижу по-иному, я — свободна.
Теперь уже не надо объяснений.
Достаточно желаний. А слова —
Прозрачны и призрачны,
Как сумерки, которые скрывают
Темнеющие очертанья далей.
Но первый план я различаю ясно.
И верная подруга — типина.
Она рождает звук и подчиняет
Ему себя. Ее приносит ветер.
О, как она многообразна, как волнует
И много обещает. Как глубока,
И если в ней рукой пошарить,
Можно натолкнуться
На шерстяной овечий мягкий бок
И услышать, конечно, очень слабый, но явственный

Привет гортанной песни... и рядом — колокол.
И ближе, и вокруг, и в самых потаенных
Секретных закоулках скрыты звуки.
Там все поет. И это так прекрасно,
Что и мы, пожалуй, можем начинать сначала.
И при удачном направлении ветра
И чисто взятой ноте, нас кто-нибудь услышит
В тишине.

1986

СОДЕРЖАНИЕ

Меж дымом и дымом

«Только время не входит в привычку...»	7
«Давай почитаем стихи...»	8
«В который раз закидываю невод...»	10
Сон	12
«Я пишу ни о чем...»	13
«Когда, рассмеявшись, ты спросишь...»	14
«Из всех неузнанных, ты прав...»	15
«Уснуть в траве, в зеленом гамаке...»	16

Что нового в Новой Англии

«Утренний колокол мечет листву и туман...»	17
«Не спрашивай: что нового...»	17
«Ничего не говори мне...»	18

Междугородные разговоры

1. «Вообрази, что нам случится...»	19
2. «Даже то, как ты нитку в иглу продеваешь...»	20
3. «А ты поверила, что я могу дышать...»	21
4. «Неделя, как порядок слов в предложении...»	22
«Приукрасим день туманный...»	23
«Смысл жизни в ней самой...»	24

Неотправленные письма

1. «Вот и состоялась выдача преступника...»	25
2. «По вторникам не пишут писем...»	26
3. «Вчера, засыпая, я стала прощаться с тобой...»...27	
4. «Уронить голову на руки так же легко...»	28
5. «Не смею окликнуть тебя по привычке...»	29
«В этом утре я, может быть, тоже не лишний предмет...»	30
«Как объяснить. Жизнь больше не равна... »	31
«Ты или не ты...»	32
«Нам Бергман завещал ночной пейзаж беспцветный...»....33	
«Невыносима легкость бытия...»	34
«Посмотри в окно...»	35
«Снова осень у меня...»	36
«Хотела сказать впопыхах на бегу...».....37	
«Не могу тебя забыть...»	38
«Одних ведет судьба...».....39	
«Капля, капля дождевая...».....40	

В бетонной колыбели городской

17 октября 1986 года — день лунного затмения	43
«И у меня, как у нее, далекой...»	45
«Закрыв глаза, лежу на согнутой руке...»	47
«Горячий запах шпал — уже почти дорога...»	48
Геленджик.....	49
«Между зимой и весной, когда...»	50
«Эту тайну, как всякую тайну, безумно скрывать...».....41	
«Шиповник, Иван-чай, малина и крапива...»	52
Романс.....	49

«Лишенные дневных прикрас...»	54
«В бетонной колыбели городской...»	55
«Тем более, что липы зацвели...»	56
«Италия! Надежно и легко...»	57
«Уйти нельзя, но выздороветь можно...»	58
«Что, мягкая у нас теперь зима?...»	59
«Ветер осенний опять снаряжает ковчег...»	60
«Сквозь сон я слышу частое дыхание...»	61
«И привычек не знать, и любимых вещей не иметь...»	62

Дело зерна и крота

«Пусть здесь будет край земли...»	65
«Это было уже — и давно...»	67

Восьмистишия

1. «Все бы цапляться. Соломинка...»	68
2. «Сентябрьский легкий день...»	69
3. «Присутствие духа над пыльной Землей...»	70
4. «Родина. Ты так была сурова...»	71
Осень.....	72
Апрель	73
«Теперь, когда я начинаю жить...»	74

Лицензия № 064109

Подписано к печати 03.04.96. Формат 70×100¹/₃₂.

Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 2,5. Тип. зак. 122.

Издательство "ЭЗРО" 194021 Санкт-Петербург,

Институтский пер., 5 фл. 7 кв. 61.

Санкт-Петербургская типография №1 РАН,

199034 Санкт-Петербург В-34, 9 линия, 12.

